ИГОРЬ ИСАЕВ

Москва

ПУТЬ В АТАШКАДЕ
рассказ

Парс проснулся от предутреннего холода. Шум прибоя нарастал. Ночь отступала.

С середины прибрежного холма, на котором они разместились на ночлег, уже можно было различить едва уловимую тонкую створку, смыкающую быстро светлевшее небо с тусклой тёмной полосой воды. Внезапно внутри неё возникла крошечная янтарная капля. Она дрожала, росла, меняла цвет от красного до золотого, окрашивая воду и осветляя небосвод.

И вот уже огненный круг, на мгновение зависнув над горизонтом, оторвался от него, прочертив по враз позеленевшей поверхности воды золотую дорожку. Сияющий диск поднимался всё выше, дорожка расширялась, заливая золотом и охрой всё видимое глазу пространство. Рассвет возвращал миру краски: море становилось синим вдали, зелёным у берега, линия прибоя пенилась белым, а в небе покачивалась лёгкая голубизна. Однако что-то в этой картине было завораживающе незнакомым. Парс резко встал на ноги. Встревоженный пёс, мгновенно избавившись от своей собачьей дрёмы, встал в стойку рядом. Человек молча потрепал его загривок – всё в порядке, Итхан. И только потом, оглядевшись, понял, что его изумило. Справа, в южной части берега, всюду, куда только мог достать взгляд, и сам берег, и мелководье, наполнял удивительно розовый, странно пульсирующий цвет… Сотни, тысячи фламинго, стояли в воде, встречая солнце…

Насмотревшись на это диво, парс спустился ближе к морю, поеживаясь, снял с себя одежду, тщательно натёрся песком, потом смыл его обжигающе холодной водой, обтёрся полой войлочного халата, снова надел серую до колен рубашку – судру, перетянул на талии свой пояс кусту и прочёл первую из пяти обязательных дневных молитв – гаты: «Признаю себя поклонником Мазды, последователем Заратуштры. Отрекаюсь от демонов, даэвов. Признаю веру Ахуры…».

Вернувшись к камню, возле которого спал мальчик, он вытащил из дорожной сумы кремень, несколько ранее запасенных сухих веток, неспешно по всем правилам развёл огонь. В медный казан с помятым боком налил из фляги немного воды, бросил в него несколько комков овечьего сыра, высушенных до каменного состояния, туда же отправилась горсть серой муки. Очистил от внутренностей выловленную вчера в прибрежной луже рыбину, обмазал её толстым слоем голубой глины. Той самой, что они собрали на вершине прибрежного холма; с её помощью и раны лечили, и готовили пищу на открытом огне.

Внутренности рыбы, чтобы не осквернять землю, завернул в листья, поднялся на холм, оставил свёрток на высоком камне. Рыбину закопал в угли. Когда и похлёбка и рыба были готовы, парс успокоил огонь, разбудил мальчика, поторопил его сделать обряд очищения и помолиться, разломил на три части одну из последних лепёшек. Парс, мальчик и пёс, все трое, не торопясь ели. Им предстоял длинный переход, и, кроме куска лепёшки и глотка солоноватой воды, вряд что-то попадет в рот до ночлега.

День начинался. С моря неслись крики чаек, хлопанье крыльев фламинго. Солнце понималось всё выше. Пора в путь.

Это случилось десять лун тому назад. Мобед – двоюродный дядя, старшина парсов – отправил его с поручением в соседний посёлок. Вернувшись через неделю, он не узнал родных мест. Дома людей Ахуры Мазды стояли пустые, разорённые, полусгоревшие. Попадавшиеся навстречу селяне из числа Людей Пророка отворачивались, старались не встретиться с ним взглядом. Со всех ног он побежал к общинному храму, но, словно натолкнувшись на невидимую преграду, ошеломленно застыл перед дымящимися развалинами, рядом со полуслепым плачущим стариком-парсом, едва слышно шепчущим гаты: «Признаю веру Ахура…».

Старик повернулся к нему. «Это сделали всадники. Мобед и его сыновья защищали храм, но врагов было больше. Они убили много мужчин и женщин, разграбили дома, угнали скот и детей, они замуровали наши дахмы – башни молчания. Оставшимся в живых дали три дня на сборы. Нассалары две ночи переносили павших на скалы за лесом. Парсы взяли то, что могли унести – и ушли. На юг. Твоего племянника отбила от всадников собака, я спрятал обоих в шалаше в саду. Забери мальчика, возьми то, что осталось у тебя в доме, и уходите…»

С тех давних пор, когда его жена Тайшэ перешла мост-разлучитель Чинват, он жил одиноко… Дверь-циновка в его жилище была скинута на землю. На пороге он столкнулся с человеком, доверху нагруженным утварью, войлочными кошмами, какими-то тряпками… Увидев нежданного хозяина, рябой Селим, ровесник парса, его сосед, когда-то приятель по детским играм, выронил свою добычу. Медный казанок звякнул о камень.

Селим, часто моргая, пробормотал: «Я не виноват. Ты убьёшь меня?!». Парс молча покачал головой. «Я же думал, тебя нет уже, убили… Ваши… все ушли, а у меня, сам знаешь, семеро детей. Я все положу на место. Сейчас. Все парсы ушли на юг…»

Парс жестом остановил поток оправданий. Выбрал из кучи тряпок на полу свою расшитую звёздами белую парадную судру и кушак кусту, гребень Тайшэ, которым она расчесала свои медные косы в их далёкую первую ночь, ещё пару безделушек, сложил всё в помятый казанок. Собрал оставшееся на полу в охапку и, не говоря ни слова, сунул в руки дрожащего Селима. Повернулся, медленно пошёл прочь. На углу остановился, обернулся, бросил последний взгляд на свой дом. Сосед с тряпьём в руках поймал этот взгляд, плечи затряслись, и он, как маленький ребёнок, в голос зарыдал…

На следующее утро парс с девятилетним, онемевшим от перенесенного страха мальчиком и старым пастушьим псом, волкодавом Итханом, ушёл навсегда. Парсы всегда уходили на юг. А он пошёл сначала на запад, а потом вдоль берега моря на север, в края, где, по преданию, родился великий пророк Спитама Заратуштра. Там в стране огней, он знал об этом по рассказам покойного Мобеда, тысячу лет жили парсы, и тысячу лет не гас алтарный огонь в маленьком Аташкаде…. Им – туда.

Многомесячное странствие скоро окончится. Несколько дневных переходов – и они, обогнув в сумерках чужой приморский город, взойдут на древнюю, насквозь просоленную скалистую землю, напоенную белым и черным маслом, на землю, одно пребывание на которой внушает простому человеку только страх, но Людям Ахура Мазды эта земля дарует вечный, чистый, не гаснущий тысячелетиями огонь. А пока они идут, когда берегом, наполненным острым запахом выброшенных штормом гниющих водорослей и огромных рыб, когда по гребню прибрежных холмов, с которых далеко в море можно увидеть полузатопленный остров Пираллахи. Когда-то он горел днём и ночью, две сотни лет подряд наводя ужас на путешественников, и только море, поднявшись за столетия выше, загасило наконец этот вселенский пожар.

Они идут, иногда останавливаясь для очищения и молитвы. Парс готовит мальчика к инициации, как умеет рассказывает Авесту, учит Ясны и гаты. Мальчишка молчал почти полгода, но время берёт своё, и вот он уже вовсю расспрашивает наставника о том, как устроен мир, почему их земля оказалась чужой, куда девается урман – душа умершего, увидит ли он когда-нибудь снова мать. И, конечно, как все дети во все времена, задаёт тысячу простых вопросов, на которые так трудно ответить…

После полудня неожиданно увидели стоянку знакомого каравана. Неделю назад они три дня стояли рядом, ожидая, когда закончится проливной дождь, спадёт вода, и можно будет перейти мутную, заросшую камышом и осокой реку. Два погонщика страдали от малярии, и парс, немного разбиравшийся в свойствах растений, приготовил целебный отвар, чуть взбодривший бедолаг. А в качестве ответного жеста получил в подарок дюжину лепёшек, испеченных караванщиком на раскалённом камне. Больше всего удовольствия от такого вынужденного стояния получили мальчик, которому молодой старшина каравана пересказал весь свой запас персидских сказок, и Итхан, нашедший себе подругу – ласковую белую собаку. Личная жизнь волкодавов не видна людям, несомненно только, что собакам было вместе хорошо, во всяком случае, расставаясь, Белая всё время оглядывалась, словно приглашая Итхана следовать за ней…

Стреноженные ослики щипали чахлую травку, люди сидели у костра, подле полусухого дерева стояла палатка, под пологом которой лежал один из погонщиков. Караванщик поднялся навстречу парсу.

– Господин, можешь ли ты помочь мне, мой человек почти не дышит.

– Ты знаешь, я – парс, мне нельзя прикасаться к больному, вера не позволяет врачевать.

– Я не об этом. Ты старше всех нас здесь. Я первый раз веду караван. Человек в палатке то ли дышит, то ли нет, как мне узнать, не умер ли он?

Парс вдохнул:

– Положи ему на грудь кусочек лепешки, Итхан ответит нам…

Подозвал пса, коротко головой показал на палатку. Волкодав медленно подошел к лежащему, лёг чуть поодаль, и минут десять лежал, уткнувшись мордой в лапы. Потом встал, бережно снял с груди лежащего лепешку, съел её, подошел к парсу и замер, наклонив голову. Тот, вздохнув, потрепал пса за обрезанное ухо.

– Похорони своего человека до захода солнца по вашим обычаям. Его душа ждёт своего пути. А нам пора.

На прощанье Итхан ласково обнюхал виляющую хвостом Белую. Сегодня от неё пахло совсем по-другому, молоком и чем-то новым…. Необъяснимый тысячелетний пёсий инстинкт подсказал, что род его будет продолжен.

Тайшэ, Тайшэ. Сколько лет прошло, а он всё помнит её запах, чуть кисловатый вкус кожи, тонкий аромат вымытых травами волос. Чуть припухлые нежные губы, скрывающие ровный жемчуг зубов, прозрачную, розовую, как вчерашние фламинго, мочку крошечного уха, неожиданные веснушки, их всего несколько, смешных, на самом кончике носа. Были молоды, женаты, любили друг друга, и он до смертного своего часа будет помнить её кроткий полусмешок-полустон, всегда венчающий их единение. В редких снах, он видит её: сидящую, положившую маленькие ладони на большой живот и улыбающуюся ему

своей тихой улыбкой. Она трудно и долго рожала их дитя, а потом в течение трех дней согласно суровому обычаю парсов не могла ни греться у огня, ни напиться воды. Не могла. И не смогла. Он никогда не видел её мёртвой. Её душа ждёт его там, за мостом Чинват. А он всю жизнь старается прожить здесь праведником–ашаваном, чтобы вновь соединиться с ней…

«Признаю себя поклонником Мазды, последователем Заратуштры. Отрекаюсь от демонов, даэвов. Признаю веру Ахуры…».

Утром последнего дня пути миновали гирканские (волчьи) ворота – узкий проход между линией берега и почти отвесной известняковой стеной высокого холма. Почти весь день шли в обход города и ближайших к нему сёл. Земля становилась всё беднее, растительность всё скуднее, только колючие перекати-поле цеплялись за редкие пятна почвы, терявшиеся среди трещиноватых серых, покрытых лишайником и мхом камней. В воздухе стоял кислый удушливый запах. Миновали озеро с горькой водой красного цвета. Другое озерцо было покрыто болотистой ряской и пахло серой. Мучила жажда. За время долгого путешествия они привыкли пить только ту воду, которую пил Итхан. В этот день пёс даже не остановился ни у одной лужицы или озерка. Солнце закатывалось за горизонт. Небо темнело. Сумерки мягко укутывали путников. В какой-то момент стало совсем темно, и только узкий серп новой луны серебром отблескивал в лужицах. И вдруг они увидели, как у подножия камней как маленькие ящерки стали пробегать розовые, красные, жёлтые, сине-зелёные огоньки. Где-то совсем слабые. А где-то – яростно выпрыгивающие из-под земли на высоту человеческого роста. Мерный гул огня вплетался в ночную тишину. Огни были впереди, огни были позади, огни были вокруг… Ещё в сумерках выбрав направление на храм, теперь они быстро шли к цели среди диковинной долины огня. Аташкаде возник на их пути внезапно. Небольшой, сто пятьдесят локтей в ширину и длину, храмовый двор с восемью кельями и алтарём и примыкающие к нему хозяйственные постройки были рассчитаны от силы на двадцать– тридцать служителей храма. В действительности их было меньше. И каким бы маленьким ни казался храм, его главный священный огонь не гас никогда – с начала времён. Старший сын мобеда встретил их у ворот и показал, где они могут расположиться.

– Это теперь наша земля? – спросил мальчик. Парс промолчал.

– Этот огонь не погаснет?

– Нет.

– Никогда-никогда? – допытывался мальчик.

– Для нас – никогда!

«Признаю себя поклонником Мазды, последователем Заратуштры. Отрекаюсь от демонов, даэвов. Признаю веру Ахуры…» – раздавались голоса у алтаря. Огонь гудел…

1985 год. Самолёт АН-2 с научной аппаратурой взлетел в 7-00 утра с ахээровской (полоса для авиационно-химических работ) взлётной полосы в районе города Сабирабад и взял курс на Баку. Через тридцать минут, когда впереди во всей красе показалось море, лёг на левое крыло, повернул вдоль берега на север по направлению к городу. Когда летчик выровнял самолёт, в правом иллюминаторе я увидел на зелёной поверхности Каспия огромное розовое пятно. «Фламинго», – понял по губам обернувшегося ко мне механика…

Через сорок минут, пройдя по траверсу курсового радиомаяка, самолёт снизился над сплошь усеянной вышками–качалками равниной и совершил посадку на вторую полосу аэропорта Бина.

В одиннадцати километрах от места посадки, вблизи железнодорожной станции Сураханы, находится современный музейный комплекс «Аташгях». Туристов возят сюда на комфортабельных автобусах. Алтарный огонь горел здесь до конца девятнадцатого века. После того, как с южной стороны храма разместился первый в Российской империи керосиновый завод (одним из акционеров которого был Д.И. Менделеев), было выкачано немереное количество знаменитой лёгкой сураханской нефти. Давление в пластах сильно упало, и выход попутного газа на поверхность прекратился. Огонь погас….

На Апшероне осталось на сегодняшний день только одно место, в котором горящий газ постоянно выходит на поверхность. Туда тоже возят туристов. Огонь горит.

У северной храмовой стены уже в двадцатом веке был построен роддом. Я там родился.

Парсы ушли на юг в Индию… Они уходили несколько столетий, и на территории бывшей персидской империи сейчас их практически не осталось. Есть сведения – впрочем, достаточно противоречивые – что сам пророк Спитама Заратустра родился где-то в районе нынешнего Дербента. В книгах о зороастризме редко указывают Азербайджан, но я с детства знал это слово – парс. А мой школьный товарищ носил очень примечательную фамилию Парсаданов.

На гербе некогда моего доныне любимого города три факела.

Огонь горит!

И всегда найдётся тот, для кого он никогда не погаснет!